

Астральные слёзы, или искусство быть Светлой

Катерина Пламенная

Катерина Пламенная

**Астральные слёзы, или
Искусство быть Светлой**

«Автор»

2026

Пламенная К.

Астральные слёзы, или Искусство быть Светлой / К. Пламенная —
«Автор», 2026

Ли́ка потеряла всё: любовь, работу и веру в себя. Раздавленная чувством собственной никчёмности, она бежит в заброшенный дом бабушки — последнее прибежище. Там, среди пыльных сундуков, она находит загадочное зеркало, которое хранит следы иного, астрального мира. Этот артефакт не просто отражает — он зовёт, дышит и показывает ей другую Ли́ку: сияющую, цельную, настоящую. Чтобы выжить, ей предстоит шагнуть сквозь отражение, оставив позади боль, страх и старые раны. Это роман о магическом исцелении, внутренней силе и праве быть счастливой, какой бы «неудобной» ни казалась твоя душа.

© Пламенная К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свинцовое платье и разбитое зеркало	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Катерина Пламенная

Астральные слёзы, или Искусство быть Светлой

Глава 1. Свинцовое платье и разбитое зеркало

Капля пота скатилась по виску и затерялась в складке платья. Лика стояла перед зеркалом в позе, которую в интернете называли «поза победительницы»: плечи расправлены, подбородок приподнят, губы растянуты в натянутой улыбке. Со стороны могло показаться, что она собирается на свидание или на светский раут. Только отражение в зеркале кричало об обратном.

Глаза, обычно живые и светло-карие, сейчас были тусклыми и слишком большими для осунувшегося лица. А само платье, когда-то сидевшее идеально, теперь предательски обтягивало бедра и живот, образуя неэстетичные валики у пояса. Оно было свинцовым саваном, в котором ее хоронили заживо.

«Жирная. Неудачница. Никому не нужная».

Мысли крутились в голове мертвой каруселью, каждая — отточенная стрела, выпущенная ею же самой. Сегодня — годовщина их расставания с Артемом. Точнее, его ухода. К той, что была «проще, ухоженнее и не заедала ему мозги своими вечными проблемами». Сегодня же она получила расчет с работы. «Не вписываетесь в корпоративную культуру, Лика. Вы слишком... чувствительны».

Чувствительны. Какое деликатное слово для того, чтобы назвать ее неспособностью спрятать боль, ее слезы от несправедливых упреков начальника, ее желание, чтобы мир был хоть чуточку добрее.

Она сделала еще одну попытку втянуть живот, отчего закружилась голова. Рука сама потянулась к коробке с пирожными, припасенными «на черный день». Черный день настал. Пальцы дрожали, разрывая упаковку. Первый кусок шоколадного мусса она запихнула в рот, почти не жуя, чувствуя, как сладкая масса притупляет остроту происходящего. Второй. Третий. Теперь ее тошнило не только от отчаяния, но и от съеденного. И от ненависти к себе.

«Лишняя. Во всем лишняя. На работе, в жизни Артема, в этом мире».

Слезы, наконец, хлынули, беззвучные и горькие. Они оставляли на щеках дорожки размытой туши. Она с силой стерла их тыльной стороной ладони, размазав черные подтеки. Так даже лучше. Более правдиво.

Ее взгляд упал на старую фоторамку на комод. Там была она, лет семи, с бабушкой в деревне. Та Лика смеялась беззубым счастливым ртом, обняв за шею хрупкую женщину с мудрыми глазами. Бабушка, Ольга Васильевна, всегда говорила ей: «Детка, самая тяжелая ноша — это ноша, которую ты сама на себя взвалила. Чувствуешь, что трудно — отступи. Уединение не бегство, оно дается нам как передышка, чтобы услышать тихий голос внутри. А он всегда говорит только доброе».

Лика отвернулась от фотографии. Добрый голос внутри давно замолк. Остался лишь визгливый внутренний критик.

Но сегодня что-то щелкнуло. Ощущение было таким же острым и окончательным, как щелчок выключателя в темной комнате. Хватит. Просто хватит.

Она подошла к шкафу и вытащила с самой дальней полки старую спортивную сумку. Стала без разбора кидать в нее вещи: джинсы, футболки, свитер. Ничего из того, что напоминало бы о прошлой жизни. Никаких платьев, каблуков, деловых костюмов. Она собиралась не

в новую жизнь, она бежала. Единственное место, куда можно было бежать, — это заброшенный бабушкин дом в глухой деревеньке под Алексиным.

Мысль о том, что нужно кому-то позвонить, предупредить, вызвала приступ паники. Некому. Родители? Они давно жили своей жизнью, считая ее взрослой и самостоятельной, а все ее проблемы — следствием «неправильного отношения к жизни». Подруги? После расставания с Артемом они как-то незаметно растворились.

Она была одна. Совершенно и абсолютно. И в этот момент это осознание не вызвало новой волны жалости к себе, а, наоборот, придало странной, холодной решимости. Если ты одна, значит, и подводить некого. Если ты одна, значит, ты сама себе и опора, и хозяйка.

Написала заявление об увольнении по собственному желанию, отправила его на почту начальнику. Позвонила в риелторское агентство, чтобы сдать квартиру. Диалоги были краткими, голос — ровным и безжизненным. Она словно выполняла заученный алгоритм самоуничтожения.

Дорога в деревню заняла целый день. Она ехала на поезде, потом тряслась в допотопном автобусе, а последние пять километров прошагала пешком, волоча за собой сумку-тележку. Каждый шаг отдавался ноющей болью в натруженных мышцах, но эта боль была другой — очищающей, физической, а не той, что разъедала душу.

Дом встретил ее запахом пыли, старого дерева и сухих трав. Он был небольшим, бревенчатым, с покосившимися ставнями. Лика толкнула скрипучую дверь и замерла на пороге. Время здесь остановилось. Все было так, как оставила бабушка: кружевные салфетки на комод, вышитые полотенца, икона в красном углу. Даже воздух был напоен покоем.

Она бросила сумку на пол и, не раздеваясь, рухнула на узкую железную кровать в своей бывшей детской комнате. Сон накрыл ее как волна — тяжелый, без сновидений, спасительный.

Утро началось с тишины. Не городского гула, а глубокой, звенящей тишины, нарушаемой лишь пением птиц за окном. Лика лежала и слушала ее. Впервые за много месяцев в голове не было немедленного приступа самобичевания. Была лишь пустота и усталость.

Она встала и решила начать с малого — с уборки. Не потому, что было грязно, а чтобы занять руки, отключить мозг. Она вытирала пыль с рамок, перекладывала старые книги, проветривала постельное белье. Действия были механическими, почти медитативными.

Затем она забралась на чердак. Там, в сумерках, пропахших мышиной жизнью и прошлым, стоял старый бабушкин сундук. Лика откинула тяжелую крышку. Пахло мятой и ладаном. На самом дне, завернутая в желтеющую газету, лежала шкатулка из темного дерева с причудливой резьбой.

Она спустилась вниз, устроилась на полу в гостиной, подставив лицо лучам слабого весеннего солнца, и открыла шкатулку. Внутри лежала пачка писем, завязанных шелковой ленточкой, несколько потрепанных фотографий и... зеркало.

Не обычное зеркало - небольшое, овальное, в тяжелой, почерневшей от времени серебряной оправе. Ручная работа. Виноградные лозы, переплетенные с какими-то незнакомыми цветами, оплетали его по краям. Оно было холодным на ощупь.

Лика осторожно взяла его в руки. Повертела перед собой. Отражалась лишь часть ее лица — глаз, запавший от бессонницы, прядь тусклых волос. И вдруг... зеркало словно вздохнуло. От ее пальцев, касавшихся оправы, пошли едва заметные круги, словно по воде. Отражение замутилось, поплыло, а затем озарилось изнутри мягким, золотистым сиянием. Внутри, в глубине стекла, затанцевали, переливаясь, миллионы светящихся частиц, словно астральная пыль.

Она ахнула и чуть не выронила его. Сияние тут же погасло. Зеркало снова стало просто старым зеркалом.

«Показалось, — тут же отрезал внутренний голос. — От усталости и нервов. Галлюцинации».

Но любопытство пересилило страх. Она снова прикоснулась к оправе. И снова — та же реакция. Теплая волна прошла по ее руке, поднялась к плечу, заполнила грудь. Это было не больно. Это было... приятно. Как прикосновение чего-то родного, давно забытого.

Она поднесла зеркало ближе к лицу, заглядывая вглубь. И увидела там не свое изможденное лицо. Она увидела... другую себя. Ту, с фотографии. Уверенную, улыбающуюся, с сияющими глазами. А вокруг той, другой Лики, простирался невероятный пейзаж: башни из белого и черного камня, уходящие в изумрудное небо, летающие существа, похожие на гигантских стрекоз.

Сердце заколотилось где-то в горле. Это был не сон и не галлюцинация. Это было слишком реально. Она чувствовала исходящее от зеркала тепло, слышала едва уловимый, поющий гул.

«Бабушка... что это?» — прошептала она, глядя на фотографию на комод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.